Детство, опалённое войной

Память. Жительница Кыштыма Елена Реннер делится публикациями из книги своей мамы Евгении Серебряковой «Детство, опалённое войной»

В преддверии Дня Победы воспоминаниями с нашими читателями делятся герои книги, педагоги Прасковья Волынщикова и Людмила Гуськова.

Людмила Гуськова.

Прасковья Волынщикова.

Мы дождались конца войны

Воспоминания Волынщиковой Прасковьи Матвеевны:

Лето 1941 года, 22 июня. В этот день ухо пронзило страшное слово — война. Казалось, жизнь сразу изменилась. Все жили в напряжении, ждали с фронта новые сообщения по радио, а из военкомата — повестки.

Я училась в Кыштыме в школе № 6, которая находилась недалеко от вокзала. Жила в интернате, так как вся семья проживала в Слюдоруднике, где была только начальная школа, а я училась уже в седьмом классе.

Помню, как во время перемен мы бегали на вокзал встречать поезда с ранеными бойцами и с детьми-сиротами. Из вагонов выгружали тяжело раненных, проносили их мимо нас на носилках, развозили по госпиталям. Жуткая картина стояла на вокзале: дети плакали, раненые стонали. У нас сжималось сердце в груди, перехватывало дыхание, на глаза наворачивались слёзы от жалости к раненым и ребятишкам, потерявшим родителей. Звенел звонок на урок, а мы его как будто не слышали, стояли, как вкопанные…

В летние каникулы мы, дети работников Химлесхоза, работали в лесу на 110-м участке (в шести километрах от дома). Там мы собирали живицу — живительную влагу сосны, которая наполнялась в специальные железные воронки, закреплённые на сосне. Из этих воронок мы специальной лопаточкой выковыривали живицу, собирая её в ведра.

Наполненное живицей ведро весило 12-14 килограммов. За день надо было обойти не меньше тысячи сосен и наполнить не одну бочку. Очень уж мы уставали. Постоянно хотелось есть. С голоду и от усталости у меня кружилась голова.

В одно лето я работала поваром в бригаде лесорубов. Идёшь, бывало, лесом с продуктами на делянку, дрожишь от страха — вдруг кто-нибудь из чужих встретится, отнимет продукты-то, тогда лесорубы останутся без обеда. Но, слава Богу, такого не случалось, всё обходилось.

Сваришь обед, поедят работнички похлёбку с маленьким кусочком хлеба, добавку просят, а её очень мало или совсем нет. И снова за работу. Успокаивали себя, подбадривали друг друга: «Нам-то здесь хорошо, над нами самолёты не летают, в нас не стреляют, не бомбят. А каково нашим сейчас на фронте?»

С детства люблю природу, особенно лес, но в войну в лесу страху натерпелась! Однажды в грозу встала возле сосны, думала переждать, да вспомнила, что находиться в грозу возле одиночного дерева опасно, и отбежала от сосны подальше. А когда оглянулась, то смотрю, а сосны-то как не бывало. На душе и страх, и радость, что осталась жива.

Отец в войну был призван в трудармию, работал на ЧТЗ. Домой вернулся только в 1947 году, а дома, кроме меня, ещё четверо детей.

Корову держали, своё молоко было, а это большое подспорье. Сено заготавливали сами, мама косила траву, а мы с сестрёнкой гребли.

В свободное время ходили в лес собирать ягоды и грибы. Ягоды сушили, грибы сушили и солили. Но всё равно жили впроголодь. Хлеб давали по карточкам, его всегда не хватало. Особенно жалко было смотреть на младших братишек, которые плакали, постоянно просили есть.

Когда я училась в педучилище, то по выходным дням ездила домой в Слюдорудник за продуктами, в основном за картошкой. Ездила на поезде по старой узкоколейной железной дороге Кыштым-Карабаш, доезжала до 16-го километра, а до дома нужно идти ещё километров пять. Зимой быстро темнеет. Ладно, когда с кем-нибудь идёшь, всё веселее, а одной по темноте идти страшно. Не раз слышала вой волков, от страха сердце замирало, но мне везло, волков ни разу не видела. Очень боялась, и жить хотелось, хотелось дождаться конца войны.

Весна 1945 года. Война подошла к концу. Мы с однокурсниками после уроков бежали на площадь, где висела большая чёрная тарелка — радио, чтобы услышать голос Левитана об окончании войны.

Мы дождались конца войны! Радовались Победе, радовались возвращению с фронта бойцов. Но не все вернулись, осиротел наш посёлок… Мы выжили с большим трудом и большими потерями.

Но, несмотря на все трудности военного времени, все дети посёлка Слюдорудник учились, и многие из нас получили образование, как говорят в народе: «вышли в люди». Мы старались учиться, а затем работать, старались, чтобы не уронить чести наших защитников, одержавших победу над фашистами и подаривших нам жизнь и свободу. Мы помним об этом. И хотелось бы, чтобы ни одно поколение не испытало то, что нам пришлось испытать: голод, холод, разруху, потерю близких людей.

Прятались в лесу

Воспоминания Гуськовой Людмилы Васильевны:

Когда началась война, мне шёл девятый год. Отец был военным, его несколько раз переводили с одного места на другое. В 1940 году он стал служить в Литве, на границе с Германией в военном лагере недалеко от города Таураген. Город этот находился в четырёх километрах от границы.

Мы жили на хуторе, недалеко от военного городка, на квартире у литовцев. В семье нас было трое детей: я, пятилетний брат и сестрёнка двух лет. В 1940 году я пошла в первый класс. Школа находилась в Таурагене, и нас, детей военных, возил красноармеец на бричке — деревянной телеге, крытой брезентом. По утрам мы выходили на шоссе в ожидании этого транспорта.

Войну ждали, об этом говорили все. Семьи военных должны были отправить в Россию. Наш дом находился недалеко от шоссе, поэтому за неделю до начала войны к нам приехали ещё три семьи. К тому времени наши хозяева уехали в Германию, они не приняли советскую власть, и половина дома была пуста. Мы все «сидели» на упакованных чемоданах в ожидании разрешения на выезд. Но разрешения на выезд не давали. Сейчас я думаю, не давали из-за того, чтобы не создавать паники, ведь был «Пакт о ненападении».

Рано утром 22 июня мы проснулись от страшного грохота. Началась Великая Отечественная война. Выскочив на крыльцо, увидели страшную картину: небо полыхало огнём, летели самолеты, кругом рвались снаряды, а может, и бомбы. Со стороны шоссе верхом на коне к нам мчался военный с пистолетом в руках. На шоссе стоял грузовик.

— Только детей! — скомандовал военный.

Я схватила брата за руку, мама — сестрёнку, и мы, полуголые, побежали к машине. Бросились к машине все, кто с нами был в последние дни.

Грузовик нёсся по дороге с огромной скоростью. То тут, то там гремели взрывы, кругом огонь, дым. Въехали в город, который будто вымер, проехали его благополучно, заехали в лес. Там как раз была воинская часть, где служил отец (в последние дни часть перевели с границы за город). Кто-то передал папе, что мы едем, он прибежал к машине, заглянул в неё и только успел спросить маму: «Детей всех забрала?». Машина помчалась дальше.

Потом была ужасная посадка в «телячьи вагоны», бомбёжка, дважды из вагонов выбегали и прятались в лесу от вражеских самолетов. Но, видимо, нам было предназначено судьбой остаться в живых. Ещё посчастливилось тем, что мы были одними из первых эшелонов с эвакуированными, и на больших станциях нас встречали люди, приносили воду, еду.

Не описать, с какими трудностями добрались до Урала, до города Троицка, где жила наша бабушка. Мама устроилась работать на военный завод, который эвакуировали из Москвы, работала по 12-16 часов.

Что об этих ужасных годах вспоминается? Голод и холод. Ни обуть, ни одеть нечего… Дважды падала я в голодный обморок. Ели, что попало, всякую траву, варили суп из крапивы, турнепса, иногда с ржаными клёцками.

Бабушка у нас умница была, купила печку на базаре (называлась она почему-то «буржуйка»), мешками покупала то уголь, то дрова. На базаре хлеба не было, так бабушка вместо хлеба по карточкам брала муку, варила нам какую-то болтушку, тем и питались. Удивительно, как только выжили? Но выжили, а ведь жили в невероятно сложных условиях.

Матери дали на заводе сотку паханой земли, и мы стали сажать овощи, но доставались они нам очень трудно. Огород далеко, работники — я и бабушка. А в Троицке степи, страшная жара, всё за лето выжигало, картошка родилась мелкая, и хватало её только до половины зимы. Зато хорошо росла тыква. Весь урожай нужно было ещё перевезти, и мы с бабушкой вдвоем на двухколёсной тележке перевозили всё домой.

Мы с нетерпением ждали окончания войны. Как мы молились, чтобы она скорее закончилась и отец остался живой!

И вот наступила долгожданная Победа. Сколько было радости! Слава Богу, отец остался жив!

Никогда не забыть тот Победный май 1945 года, это самый счастливый день в жизни. Люди плакали, пели, плясали под гармошку, обнимались, целовались.

Вечером почти весь город вышел на улицы. А наша школа устроила факельное шествие. На палки прибили консервные банки, в них положили паклю, чем-то пропитанную, и мы с этими факелами ходили по улицам, а потом пошли на площадь в центре города. Народ ликовал. Я думаю, что в эту ночь никто не спал.

Сколько потерь, сколько жертв, какая страшная разруха в стране после войны… Сколько пережили мы — дети и взрослые. На моих глазах избивали женщину, накопавшую узелок картошки на чужом огороде. И никто не заступился.

На моих глазах толпа затоптала пожилого мужчину, когда все ринулись в магазин за хлебом. Это было уже в 1947 году, когда отменили карточки. Вот что делал голод, что натворила война!

Мне хочется, чтобы новое поколение — наши дети, внуки, правнуки — никогда не испытали того, что нам пришлось пережить!